

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ

Автор: Н. А. ДЕРМАН

ДЕРМАН Нина Анатольевна - магистр социологии, научный сотрудник отдела социологии семьи Института международных и социальных исследований при Таллинском университете.

Десятилетие с 1993 по 2003 гг. было в Эстонии переломным не только в сфере политики, народного хозяйства, переустройстве общества. Значительные изменения произошли также и на микроуровне, в повседневной жизни людей. В большей степени эти изменения затронули внешние границы и формы такого классического объединения людей, как семья. Преобразования внутри основной ячейки общества ранее проходили медленно, на протяжении жизни поколений. С конца же прошлого столетия признаки быстрой трансформации в сфере семьи стали явными, некоторые более заметные сдвиги в этой области были зафиксированы опросами населения Эстонии.

О первых признаках трансформации семьи в Эстонии на фоне экономической реформы и перемен в общественной жизни, а также о проявлении изменений в ценностях и установках писали А. Наруск и Л. Ханссон еще в конце 1990-х годов [1, 2]. В данной статье делается попытка сравнить некоторые признаки трансформации семьи в двух основных группах населения (эстонцев и неэстонцев) с исторически различными культурными корнями и часто придерживающихся различных мнений и установок.

На гребне "Поющей революции" в конце 1980-х и начале 1990-х годов в Эстонии одним из пропагандируемых идеалов была традиционная патриархальная семья с кормильцем-отцом и матерью, полностью посвятившей себя заботам о доме и детях. В действительности же шоковые перемены в экономической сфере с закрытием крупных предприятий, если гипотетически позволяли женщинам не работать, в реальности лишали мужчин возможности прокормить семью на одну зарплату. Кроме того, перестройка в обществе и экономике создавала новые возможности для участия образованных женщин в конкурентном соревновании на рынке труда. Демографы отметили, что модель семьи в Эстонии стала меняться, приближаясь к ставшей привычной на западе Европы (в первую очередь, в скандинавских странах) модели: с рождением первого ребенка в более позднем возрасте и со значительным сокращением доли зарегистрированных браков, особенно среди молодежи [3]. Об изменении модели семьи говорят и данные трех опросов населения Эстонии 1993, 1998 и 2003 г. [4].

Одним из самых заметных изменений внешнего контура модели семьи стало быстрое снижение брачности. Если в 1986 г. число разводов составляло примерно половину от зарегистрированных браков, то с 1990 по 1996 гг. число регистрируемых браков сократилось вдвое при том же уровне разводов, оставаясь на протяжении последнего десятилетия в соотношении 1:1 с небольшими колебаниями [5]. Опросами населения зарегистрирован рост свободных (*de facto*) партнерских отношений, замещающий снижение уровня законных браков.

Многочисленные зарубежные исследования о распределении домашних обязанностей и работ по хозяйству показывают, что как реальное разделение домашнего труда, так и в отношении к распределению обязанностей в семье меняется на протяжении семейной жизни под влиянием многих причин, из которых важнейшими считаются материальный вклад мужчины и женщины [6], наличие детей, их возраст и степень их

участия в выполнении работ по дому [7]. Немаловажное влияние также оказывают этнокультурные обычаи, традиции и тендерные ролевые установки [8]. Исследователи пришли к выводу, что фактическое разделение домашних работ и возникающее на фоне реального разделения труда чувство справедливости влияют на удовлетворенность или неудовлетворенность супругов/партнеров семейной жизнью, вплоть до разрушения союза [8, с. 212].

Цель данной работы заключалась в поиске ответов на вопросы: 1) как проявляются *этнокультурные различия* в установках на разделение обязанностей в семье и 2) проявляется ли *этнический аспект* в установках живущих в свободном браке молодых (до 34 лет) респондентов. Статья базируется на анализе эмпирического материала репрезентативных опросов населения "Эстония 1993", "Эстония 1998" и "Эстония 2003". Опросы охватывали взрослое население страны в возрасте от 18 до 69 лет, размеры выборки колебались от 1832 респондентов в 1993 г. до 2293 в 1998 г. и 1558 в 2003 г. При проведении данного исследования респонденты были разделены на две этнические группы: *эстонская*, респонденты которой используют дома для общения эстонский язык, и *неэстонская* (респонденты дома общаются на русском языке).

Методика проведения опросов населения не позволяет точно определить долю *смешанных браков* среди респондентов. По данным проведенной в 2000 г. переписи населения, общий уровень смешанных пар (в законном и свободном браке) составлял в среднем 17%. Наиболее низким был уровень смешанных пар в двух больших этнических группах: национальность женщин не совпадала с национальностью мужа или партнера в семьях 7% эстонских и 22% русских мужчин. Жены других национальностей были в 70 - 80% семей мужчин татарской, украинской, белорусской и еврейской национальностей и в 90% семей мужчин финской, польской, немецкой и других национальностей [9]. Поскольку образовательное обучение в Эстонии идет на эстонском и русском языках, а другие языки изучаются дополнительно, логично ожидать, что в большинстве смешанных семей некоренных национальностей дома говорят по-русски. Из живущих с партнером респондентов опроса 2003 г. только около 2% выбрали вариант ответа "другой язык", на котором говорили дома, и они не вошли в анализируемую здесь выборку.

Замечу также, что в данной статье не исследуется влияние материального положения, образовательного уровня и профессионального статуса респондентов на тендерные установки в семье, не проводятся сравнения затрат времени супругов/партнеров на домашние работы. В ходе проведения анализа с использованием программы SPSS, кроме обычных таблиц сопряженности, при проверке статистической значимости связей между анализируемыми переменными были вычислены критерии хи-квадрат по Пирсону (χ^2).

Динамика изменений в семейном статусе населения Эстонии. Исходя из данного J. T. Wood (1995) определения семьи как живущих вместе людей, связанных между собой не только родственными связями и совместным ведением хозяйства, но также заботой друг о друге и уходом за зависимыми от них членами семьи [10], данное понятие можно применить и к живущим в официально незарегистрированном, так называемом *свободном браке* людей. С 1993 по 2003 гг. доля жителей Эстонии, которые жили семейно, в официально зарегистрированном либо фактическом браке, менялась мало, оставаясь в пределах 65% - 68%. Но доля живущих в незарегистрированном браке за прошедшее десятилетие *выросла вдвое* и составляла в 2003 г. в среднем 19%, а доля живущих в законном браке соответственно снизилась. Ясно, что не ценность семьи понизилась в глазах людей, а либерализация общества позволяет не оформлять отношения, которые по разным причинам неприемлемы для партнеров. Об изменениях в структуре семей в этнических группах Эстонии, зарегистрированных опросами населения в 1993 - 2003 гг., см. таблицу 1.

Как видим, в этнической группе *эстонцев* около 2/3 респондентов жили с партнером, а 1/3 составляли холостые, незамужние, разведенные и живущие в других типах семьи без партнера, и соотношение это за десять лет почти не изменилось. А в этниче-

Таблица 1

Изменения в семейном статусе населения в этнических группах (в %; критерий хи-квадрат по Пирсону)

Статус	1993		1998		2003	
	Эстонцы	Неэстонцы	Эстонцы	Неэстонцы	Эстонцы	Неэстонцы
Холостые/незамужние	16,7	12,6	20,1	17,1	20,7	18,1
В законном браке	55,2	67,0	50,0	61,8	42,9	53,8
В свободном браке	10,8	5,6	17,0	8,4	22,5	9,7
Вдовы, разведенные и живущие с партнером раздельно	17,3	14,8	12,9	12,7	13,9	18,4
χ^2	25,11***		41,53***		42,83***	

Примечание: репрезентативные выборки населения в возрасте 18 - 69 лет; *** $p < 0,001$.

Таблица 2

Этнический аспект динамики законных и свободных браков в возрастных группах (в % от общего числа респондентов в этнических группах; критерий хи-квадрат по Пирсону)

Возрастные группы и виды браков	1993		1998		2003	
	Эстонцы	Неэстонцы	Эстонцы	Неэстонцы	Эстонцы	Неэстонцы
18 - 34-летние:	$\chi^2 = 27,40***$		$\chi^2 = 24,65***$		$\chi^2 = 20,86***$	
в законном браке	41,6	57,5	30,4	40,2	21,8	30,9
в свободном браке	13,2	3,9	26,4	12,4	36,6	16,9
34 лет и старше	$\chi^2 = 16,36**$		$\chi^2 = 36,85***$		$\chi^2 = 11,81***$	
в законном браке	61,1	71,9	60,9	73,0	56,8	63,2
в свободном браке	9,8	6,4	11,9	6,2	13,2	6,7

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$.

ской группе неэстонцев произошли заметные изменения - доля живущих с партнером уменьшилась с 73% в 1993 г. до 64% в 2003 г. за счет некоторого роста доли людей, которые жили без партнера вследствие развода или смерти супруга и увеличения доли холостых и незамужних с 13% в 1993 г. до 18% в 2003 г.

Статистическая значимость различий в семейном статусе представителей двух этнических групп особенно увеличилась почти сразу после восстановления независимости в Эстонии (с $\chi^2 = 25,11$ ($p = 0,000$) в 1993 г. до $\chi^2 = 41,53$ ($p = 0,000$) в 1998 г.). Эти различия оставались столь же существенно значимыми в 2003 г. ($\chi^2 = 42,83$ при $p = 0,000$).

Анализ динамики изменений в соотношении законных и свободных браков эстонцев и неэстонцев молодого (18 - 34 года) и старшего поколения (35 лет и старше) показал, что различия в семейном статусе представителей этнических групп сохранялись и были статистически значимыми (табл. 2). В группе старшего поколения доля живущих в свободном браке за десятилетие почти не изменилась и оставалась в пределах 10 - 13% для эстонцев и 6 - 7% для неэстонцев. Зато изменилось брачное поведение молодого поколения. В этнической группе эстонцев суммарный процент живущих с партнером респондентов в возрасте до 34 лет остался практически без изменений (от 55 до 58%), но доля связанных свободными отношениями молодых респондентов этой группы за десятилетие выросла почти втрое - с 13% в 1993 до 37% в 2003 году. В этнической группе неэстонцев произошло заметное снижение уровня семейно живущих респондентов среди молодежи - с 61% в 1993 г. до 48% в 2003 г. - и, прежде всего, за счет роста доли холостых/незамужних в этой возрастной группе с 29% до 46%. Доля живущих в свободном браке выросла за указанные годы более чем вчетверо - с 4% до 17%, будучи все же в два раза ниже, чем у эстонцев.

Таблица 3

Установка респондентов на разделение обязанностей в семье в 2003 г. в этнических группах (в %; критерий хи-квадрат по Пирсону)

В семье должен...	В основном муж	Муж больше	Муж и жена поровну	Жена больше	В основном жена
покупать продукты ($\chi^2 = 24,73^{***}$)					
эстонцы	1,7	4,6	50,6	31,1	12,0
неэстонцы	4,3	5,7	39,5	28,4	22,1
готовить еду ($\chi^2 = 12,98^*$)					
эстонцы	0,3	0,9	20,6	38,1	40,1
неэстонцы	0,4	1,4	19,8	27,2	51,2
стирать ($\chi^2 = 3,38$)					
эстонцы	0,5	0,2	11,9	24,0	63,5
неэстонцы	0,7	0,7	12,3	20,7	65,6
убирать квартиру ($\chi^2 = 37,14^{***}$)					
эстонцы	0,3	0,8	27,3	33,1	38,5
неэстонцы	2,2	3,6	39,4	21,3	33,6
обеспечивать семью материально ($\chi^2 = 75,15^{***}$)					
эстонцы	1,8	15,0	83,2	-	-
неэстонцы	6,3	36,4	57,3	-	-

Примечание: *** $p < 0,001$; * $p < 0,05$.

По данным опроса 2003 г., для 18% респондентов "стаж" проживания в свободном браке был 1 - 2 года, для 33% - от 3 до 5 лет, для 34% - от 6 до 14 лет и для 15% - более 15 лет. Исследование позволило прояснить некоторые причины, по которым живущие в свободном браке респонденты не регистрируют свои отношения официально. Примерно половина отвечавших на этот вопрос отметили, что "регистрация брака является лишь формальностью". Также довольно часто (18%) отвечали, что "нет возможности сыграть такую свадьбу, как хочется", "свободный брак меньше связывает" (9%) или "не чувствую себя готовым к законному браку" (9%).

Надо отметить, что, хотя положение матерей-одиночек в Эстонии по-прежнему остается нелегким в материальном плане, либерализация взглядов общества смягчила эмоциональное давление на них общественного мнения. Неполные семьи, преимущественно материнские, составляли примерно пятую часть от всех семей с несовершеннолетними детьми. В 2003 г. в Эстонии 53% детей родились вне брака, и при регистрации у 3/4 детей отцовство было установлено [11], т.е. большинство этих детей жили в полных, но официально не зарегистрированных семьях.

Таким образом, на первой стадии проведенного исследования выяснилось, что по сравнению со старшей группой свободный союз имеет *более широкое распространение среди молодых респондентов*. Также проявились этнические различия в вопросе формирования семьи: среди эстонцев свободный союз распространен значительно больше, чем среди неэстонцев.

Внутрисемейное разделение обязанностей. При изучении установок на распределение обязанностей в семье в 2003 г. в анализируемую группу были включены только семейно живущие респонденты ($N = 963$). В перечень домашних дел вошли самые обычные выполняемые дома рутинные работы: покупка продуктов, приготовление пищи, которые необходимы для ежедневного существования, а также стирка и уборка жилья, то есть те работы, которые в обычных условиях сложно отложить на долгое время. Поскольку многочисленные источники уже давно подтвердили существование гендерного разделения обязанностей в семье, в анализ был также включен вопрос об установках на материальное обеспечение семьи (см. табл. 3).

Хотя покупку продуктов считали заботой жены примерно половина, а приготовление еды - около 80% отвечавших, четко обозначились различия в установках предста-

Таблица 4

Установки на разделение обязанностей в семье в этнических группах в семейно-возрастном разрезе, 2003 г. (в % от числа опрошенных)

В семье должен...	По мнению эстонцев			По мнению неэстонцев		
	В основном или больше муж	Муж и жена поровну	В основном или больше жена	В основном или больше муж	Муж и жена поровну	В основном или больше жена
<i>покупать продукты:</i>						
в законном браке, 18 - 34	5,7	59,8	34,5	2,4	41,5	56,1
в законном браке, 35+	7,4	45,1	47,5	12,2	40,1	47,7
в свободном браке, 18 - 34	5,5	58,6	35,9	14,3	28,6	57,1
в свободном браке, 35+	3,7	49,4	46,9		40,9	59,1
<i>готовить еду:</i>						
в законном браке, 18 - 34	1,1	25,8	73,1		9,8	90,2
в законном браке, 35+	0,9	15,4	83,7	2,5	21,2	76,3
в свободном браке, 18 - 34	0,7	31,7	67,6		22,7	77,3
в свободном браке, 35+	3,8	17,5	78,8		22,3	77,7
<i>обеспечивать семью:</i>						
в законном браке, 18 - 34	18,9	81,1		55,0	45,0	
в законном браке, 35+	14,8	85,2		42,9	57,1	
в свободном браке, 18 - 34	22,1	77,9		41,7	58,3	
в свободном браке, 35+	13,6	86,4		28,6	71,4	

Примечание: в данной таблице крайние категории ("в основном, муж/жена" и "муж/жена немного больше") были объединены.

вителей двух этнических групп. Статистическая значимость различий в установках была высокой для переменной покупки продуктов ($\chi^2 = 24,73$ при $p = 0,000$) и менее заметной для переменной готовки еды ($\chi^2 = 12,98$ при $p < 0,05$). В том, что заниматься стиркой должны женщины, были убеждены 86% респондентов, и различий выявлено не было. Неожиданным оказалось расхождение в установках на уборку жилья ($\chi^2 = 37,14$ при $p = 0,000$), но этот результат требует уточнения в том, что касается необходимых объемов работ и затрат времени, а также детального изучения отдельных видов домашних работ, включая уборку жилья.

Наиболее заметные различия в установках эстонцев и неэстонцев проявились в вопросе определения главного кормильца семьи: статистическая значимость критерия χ^2 по Пирсону равнялась 75,15 при $p = 0,000$. Подавляющее большинство *эстонцев* (83%) полагали, что материальное обеспечение семьи должно быть общей заботой супругов, а мнение *неэстонцев* резко разделилось: более половины (57%) высказались за равное участие мужчины и женщины в пополнении семейного бюджета, в то время как 43% считали, что деньги в семье должен зарабатывать мужчина.

Нас интересовали также установки представителей двух этнических групп в семейно-статусном и возрастном разрезе относительно следующих обязанностей: покупка продуктов, приготовление пищи и материальное обеспечение семьи. Как видно из таблицы 4, молодые респонденты-эстонцы и в законном, и в свободном браке проявили несколько большую готовность заниматься вместе или наравне с партнером закупкой продуктов (59 - 60%) и приготовлением еды (26 - 32%) по сравнению с эстонцами старше 35 лет (соответственно 45 - 49% и 15 - 18%).

Установки на разделение работ в семьях молодых *неэстонцев* по сравнению со старшим поколением были более традиционными. В группе молодых неэстонцев статус "законного брака" усиливал традиционность взглядов: 90% законных супругов младшей возрастной группы и чуть менее 80% в других семьях неэстонцев полагали, что готовить еду должна жена.

Наглядно проявился этнический аспект расхождений в установках на выполнение роли кормильца в семье. Большинство *эстонцев* (78 - 86%), вне зависимости от семей-

ного статуса или возраста, считали, что материальное обеспечение семьи является общей заботой супругов или партнеров. Наиболее традиционными были установки живущих в неофициальных брачных отношениях молодых эстонцев, 22% которых считали материальное обеспечение семьи обязанностью только мужчины.

Таким образом, в установках эстонцев и неэстонцев в группе живущих в свободном браке 18 - 34-летних проявились значительные *расхождения*. Среди эстонцев по сравнению с неэстонцами было значительно больше тех, кто готов к совместному или равному участию мужа и жены и в домашних работах, и в зарабатывании денег. Сравнение живущих в свободном браке молодых респондентов также показало, что неэстонцы имеют более традиционные установки на разделение обязанностей в семье.

Заключение. Общественные и исторические события двух последних десятилетий оказали заметное влияние на изменения в формировании семьи в Эстонии, выдвинув на важное место сравнительно нечасто до этого встречавшееся явление "свободного союза". По данным опроса населения "Эстония 2003", в таком свободном браке жила четвертая часть семейных респондентов, половина из них - более шести лет. Находящихся в свободных брачных отношениях было *больше* среди представителей молодого (не старше 35 лет), а также *среди эстонцев*, по сравнению с неэстонцами. Доля холостой молодежи в возрасте моложе 35 лет среди неэстонцев выросла с 29% в 1993 г. до 46% в 2003 г., оставаясь в тот же период среди эстонцев в пределах 40%.

В ходе анализа установок на разделение семейных обязанностей между супругами/партнерами преобладание в семьях традиционных тендерных установок было продемонстрировано и эстонцами, и неэстонцами. Сравнение установок представителей двух этнических групп показало, что эстонцы вне зависимости от семейного статуса и возрастной группы больше готовы к равноправным отношениям в семье, чем неэстонцы.

Молодые *эстонцы* по сравнению со старшим поколением готовы значительно больше вместе участвовать в домашних работах и немного больше склонны оставлять за мужчинами обязанность кормить семью, что позволило бы снизить общую нагрузку на женщин, имеющих обычно в этом возрасте маленьких детей. Среди молодых респондентов *неэстонцев*, наоборот, по сравнению со старшим поколением было больше тех, кто поддерживал традиционное тендерное разделение обязанностей в семье. Наиболее традиционно настроенными оказались они и в законном браке. В итоге двойная занятость работающих женщин - на работе и дома - увеличивается. Такая приверженность сохранению традиционных установок в семье может являться одной из причин заметного снижения уровня семейно живущих респондентов среди неэстонцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Narusk A. & Hansson L. Estonian Families in the 1990s: Winners and Losers. Tallinn: Estonian Academy Publishers, 1999.
2. Narusk A. & Hansson L., Kelam F., Laidmoe V. I. (1999). Changing values and attitudes, 1985 - 1998 // R. Vetik (ed.) Estonian Human Development Report 1999. Tallinn: UNDP, 1999. 30 - 35.
3. Ritamies M. Family dynamics in the Baltic Sea area. Yearbook of Population Research in Finland 34, 1997. P. 114 - 126.
4. Hansson L. The changing family in Estonia and Europe // R. Vetik (ed.) Estonian Human Development Report 2000. Tallinn: UNDP, 2000. P. 42 - 48.
5. Statistical Yearbook of Estonia. Tallinn: Statistical Office of Estonia 1999, 2004.
6. Hochschild A. R., & Machung A. The second shift: Working parents and the revolution at home. New York: Viking, 1989.
7. Manke B., Seery B. L., Crouter A. C., & McHale S. M. The three corners of domestic labor: Mothers', fathers', and children's weekday and weekend housework // Journal of Marriage and the Family, 1994. N 56. P. 657 - 668.
8. Cubbins L. A., & Vannoy D. Division of household labour as a source of contention for married and cohabiting couples in metropolitan Moscow // Journal of Family Issues. 2004. N 25. P. 182 - 215.
9. 2000 Population and Housing Census: Marital Status and Fertility. Vol. V. 162 - 165. Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2002.
10. Wood J. T. Relational communication: Continuity and change in personal relationships. Belmont, CA: Wadsworth, 1995.
11. Statistical Yearbook of Estonia. Tallinn: Statistical Office of Estonia, 2004.